

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-2-272-284

EDN: KPMLQD

Научная статья / Research article

Дивергенция правящего класса и игры политиков: штрихи к современной стадии элитогенеза

А.И. Соловьев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *Москва, Российская Федерация*

✉ solovyev@spa.msu.ru

Аннотация. Современная стадия элитогенеза утверждает ведущую роль внутри элитарного соперничества в качестве источника общественных трансформаций. В этом смысле маневры и политические игры элитарных группировок являются наиболее мощными триггерами масштабных инноваций и политически целесообразных проектов в современных государствах. При этом актуальные формы осуществления правящими кругами своего функционала связаны не столько с институциональными, сколько с коалиционными формами политического доминирования, складывающимися на пересечении интересов различных элитарных групп, сочетания их статусных и неформальных связей. При этом неизменным остается преимущественный рост их управленческих компетенций по сравнению с населением, что создает предпосылки для усиления непрозрачности действий по принятию решений и распределению ресурсов. В этом контексте возникает исследовательская задача, предполагающая выяснение актуальных последствий этих тенденций, причем как для динамики самого правящего слоя, так и отношений государства и общества. Использование сетевых подходов и структурно-функциональных методов исследования позволяет констатировать, что уже сегодня коалиционные «игры» в правящем классе демонстрируют не только корректировку политических проектов или идейно-политические компромиссы при обновлении государственных стратегий, но и сигнализируют о структурном самообновлении правящих кругов, выводящих на историческую арену более автономные (пост)элитарные сообщества, контролирующие ключевые механизмы распределения ресурсов, но при этом утрачивающие ответственность перед обществом. Используемые ими неформальные методы влияния на цели государственной политики усиливают внутренние размежевания правящих кругов, одновременно повышая латентный характер разработки государственной политики и увеличивая дистанцию между государством и обществом.

Ключевые слова: правящее меньшинство, правящий класс, политические элиты, власть, государство, общество, постэлиты, конфликты

© Соловьев А.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Соловьев А.И. Дивергенция правящего класса и игры политиков: штрихи к современной стадии элитогенеза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 2. С. 272–284. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-2-272-284>

Elite Dynamics and Political Gamesmanship: Exploring the Modern Stage of Elitogenesis

Alexander I. Solovyev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ solovyev@spa.msu.ru

Abstract. According to the contemporary stage of elitist origin, elite rivalry is the primary driver of societal change. In this way, the most potent catalysts for significant inventions and politically motivated initiatives in contemporary governments are the political ploys and manipulations of elite groups. However, the ways in which the ruling circles actually carry out their duties are more closely linked to coalitional forms of political dominance that emerge at the nexus of the interests of different elite groups, a confluence of their status and unofficial connections. However, their managerial competencies have not grown as much as the population as a whole, which sets the stage for decision-making and resource allocation to become more opaque. Clarifying the true effects of these changes on the dynamics of the ruling class as well as the interactions between the state and society presents a study challenge in this setting. The use of network approaches and structural and functional research methods enables us to state that, even today, the coalition “games” in the ruling class signal the structural self-renewal of the ruling circles, bringing more autonomous (post) elite communities that control key resource allocation mechanisms while simultaneously losing their responsibility to society. This is in addition to the adjustment of political projects or ideological and political compromises in updating government strategies. In addition to enhancing the latent character of public policy development and the distance between them, their informal means of influencing public policy aim to deepen the internal differences within the ruling circles.

Keywords: ruling minority, ruling class, political elites, government, state, society, post-elite, conflicts

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Solovyev, A.I. (2025). Elite dynamics and political gamesmanship: Exploring the modern stage of elitogenesis. *RUDN Journal of Political Science*, 27(2), 272–284. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-2-272-284>

Вместо введения: политическая реальность и фантомные боли ретроспективной элитологии

Мировой опыт убедительно показал, что качество и состав правящего меньшинства были и остаются важнейшим и непосредственным источником общественных изменений. Собственно элитарная фаза саморазвития правящих

кругов началась в Новое время с постепенного формирования их качественно новых связей с обществом, предопределивших появление представительных механизмов, процедурных зависимостей от избирателей, обретение государственными институтами общегражданского статуса, а также необходимость продуцирования массовых ценностей для поддержания политических коммуникаций с населением. По сути, такие трансформации сигнализировали обществу, что у него появился некоторый шанс для попадания в «чертоги власти» и участия в распределении ресурсов. Эти политические сигналы впоследствии спровоцировали целый ряд достаточно иллюзорных попыток обосновать не только перспективы последующей передачи правящими элитами своего функционала обществу, но и построения на этой основе новой модели общественного устройства (К. Маркс, В. Ленин, Ортега-и-Гассет). Впрочем, на практике идеи, усматривавшие в историческом движении элит перспективу утраты ими своего господствующего положения, так и остались гипотезами. Даже последовательно сменявшие друг друга волны демократизации обозначили не реальное вовлечение общества в процесс принятия ключевых государственных решений (породивших желание «демократизировать» демократию), а последовательное дистанцирование общественности от реальных механизмов распределения активов и ресурсов социума.

Мировой опыт весьма убедительно показал, что неожиданные изменения политических траекторий государств, инициированные внутриэлитарными распрями «дворцовые» перевороты или многочисленные факты дискриминации граждан на фоне укрепления персоналистских и диктаторских методов управления государством, а также иные аналогичные факты подчеркивают ведущую роль правящих кругов. То есть тех сил, которые не желают делить с обществом свои прерогативы, в основном проявляя тягу к усилению своего доминирования и господства (вплоть до политической гегемонии и монополизации власти). Не случайно ученые констатируют, что постоянные «импровизации политиков», переполненные «идеологической гордыней», обуславливают «ограниченную способность» властей «принимать чувствительные (для общества. — А.С.) решения» и в конечном счете заставляют «людей чувствовать себя экономически и социально брошенными» [Díaz M. 2021: 1]. В обществах же с разнородной культурой власти не только провоцируют постоянные скачки и сдвиги в государственной политике, но и поддерживают у людей многочисленные проявления ложной идентичности (формирующие одну групповую солидарность в ущерб другой). Не секрет и то, что даже в лоне мировой политики межэлитарные ассоциации превращаются в более влиятельных игроков, нежели межправительственные институты. Одним словом, правящие элиты по преимуществу двигаются не навстречу обществу и его интересам, а, напротив, усиливают отчужденность от своего населения.

Как бы то ни было, но определение траекторий государственного развития, распределение крупных ресурсов и даже более частные формы перемещения общественных активов зависят от политической *воли* правящих

кругов, превосходящей по своему влиянию значение гражданских структур и любых государственных институтов. Такое положение заставляет иначе размышлять о перспективах отношений государства и общества, ибо нынешняя фаза исторического развития не дает особых оснований для комплиментарных оценок политической роли масс или же устойчивых перспектив развития демократии. В этом контексте глубокий скепсис вызывают теоретические клише, утверждающие «ответственность власти» перед обществом или же непереносимое «участие гражданского общества» в «принятии государственных решений», а также иные морально обусловленные максимы, явно диссонирующие с реальным положением дел. Попытки же усматривать в сегодняшнем опыте основания грядущего расширения политико-управленческих контактов власти и населения и вовсе представляются неким теоретическим казусом.

Сегодня есть все основания говорить о том, что заданная Новым временем историческая рамка взаимной ответственности правящей элиты и гражданского населения во многом исчерпала свой объяснительный потенциал. Правящие элиты (особенно в наиболее развитых странах) уже наработали достаточный опыт и компетенции не только и не столько для эффективного управления государством, сколько для снижения властных претензий гражданского сектора и даже реальных прав населения на оспаривание политических решений. По сути, приоритет «политической воли» властей, фильтрующих и интерпретирующих потребности общества, превращается в первостепенный, а, подчас и в единственный источник разработки государственных стратегий.

Опосредованные и малоэффективные связи граждан с правящими кругами сохраняют в качестве главного источника саморазвития последних внутриэлитарные конфликты, постоянно провоцирующие межинституциональные трения и соперничество лидеров (их конституэнтов), расширение дискреционных полномочий госбюрократии и тиражирование рентоориентированных и коррупционных практик. На этом фоне, разрабатывая ключевые политические решения, правящие круги, активно сотрудничающие с неформальными (сетевыми) коалициями крупных собственников и контролеров бизнеса (также иных ресурсно оснащенных группировок), постоянно используют латентные, скрытые от общества методы согласования целей и интересов.

Внутренне диверсифицированная среда межэлитарных коммуникаций превращает сферу власти и управления в пространство постоянного маневрирования различных группировок правящего класса. Но если статусные игроки в основном используют иерархические механизмы соперничества, а лобби или группы организованных интересов стремятся закрепиться в аппарате управления, то сетевые игроки пытаются за счет неформального разрушения административных барьеров захватить и колонизировать (травмируя и истощая их гражданский функционал) основные институты власти изнутри. Все эти маневры не только ведут к образованию различных ассоциаций статусных

и неформальных акторов¹. Нередко они превращают государственное управление в «игроутеку», стремясь всего лишь и при этом игнорируя интересы общества оказаться в шаговой доступности от контролируемых выигрышной коалицией центров и узлов распределения общественных ресурсов [Соловьёв 2024]. Причем наиболее влиятельные группировки, желая образовать с лидером коллаборацию по тем или иным вопросам, соперничают даже с лицами из его ближнего окружения.

Основные стратегии политических «геймеров» инвестируют их ресурсы в механизмы усиления фактического влияния. В то же время подогреваемые амбициями, тщеславием или ревностью этих акторов к более успешным партнерам, эти задачи неизменно провоцируют склонность таких игроков к различным формам автономизации (в том числе дистанцированности от мнения экспертов), превращаясь в вершину стихийного маневрирования правящей элиты в сфере власти [Twersky, Kahneman 1986]. Действуя в угоду собственным интересам (не останавливаясь перед многократным изменением политических идентичностей или «переобучением на лету»), эти «геймеры» способны утрачивать ответственность не только перед обществом, но и перед государством (например, стремясь нанести ущерб своим конкурентам, они нередко оказываются «под чужим флагом», деформируя национальные интересы². Однако в любом случае поскольку такие «игры» «не содержат всей истины» (П. Бурдьё), их постоянное воспроизводство позволяет государству одновременно осуществлять различные и вполне противоречивые «государственные политики» (Дж. Алисон), регулируя при этом реальный уровень стабильности и общественной напряженности. При этом общество выступает здесь вполне маргинальным источником политического влияния, используемым лишь наименее ресурсно оснащенными элитарными группами, апеллирующими к общественному мнению для усиления своих позиций в пространстве власти.

Показателем элитарной соревновательности, отражающим подвижный уровень внутренней дивергенции правящих сил, является инициация различных управленческих стартапов, формирующих альтернативные направления политического выбора как в национальном, так и в международном пространствах (не исключая распространение спровоцированных этой борьбой «рукотворных рисков») (Э. Гидденс). Поскольку же ориентация элитарных акторов на свои интересы неразрывно связывается и с самовоспроизводством в сфере власти, то те акторы, которые ориентируются на высокие нравственно-этические нормы и принципы гражданского сообщества, по сути, составляют угрозу базовым интересам этого слоя.

¹ Поскольку эти политические игры невозможно объяснить в рамках рационально непротиворечивых моделей, эпистемологическим отражением этих политических игр становится резкое возрастание в политическом анализе транскриптов метафорического содержания — ассамбляжей, машин власти, спорадических коалиций, субсистем и других вариантов «сборки» различных сегментов правящего класса.

² Например, Дж. Байден еще до своего ухода с поста президента США своими последними решениями не просто осложнил положение следующей администрации, но и предопределил более глубокое втягивание страны в вооруженные конфликты в Европе и на Ближнем Востоке

О значении внутреннего размежевания элитарных слоев (расцениваемого рядом ученых как проявление «группового невроза» правящих слоев [Stagner 1936]) для развития общества исследователи говорили еще с середины прошлого века [Keller 1963]. В настоящее время в науке активно исследуются различные типы внутриэлитарных противоречий: функциональные [Keller 1963], идеологические [Higley, Burton 2012], структурные [Соловьев 2021], а также индифферентные по отношению к основаниям конфликтогенности. В последнем случае К. Худoley и Ю. Колотаев говорят о «сегментации» (обозначающей элитарные размежевания «при сохранении взаимных контактов»), «фрагментации» (отражающей «тенденцию к сокращению» или прекращению коммуникаций, сложившихся на предыдущем этапе) и «поляризации» («закрепляющей распад» правящей страты на группы с противоположными интересами и позициями) [Худoley, Колотаев 2024: 89].

Однако общим знаменателем применения различных классификаторов является понимание интенсификации политического доминирования элитарных группировок, подрывающее (разрушающее) возвышенные помыслы об «элитах развития», которые должны вести общества к «высотам прогресса» (например, за счет овладения новыми цифровыми инструментами), или о возможности общества взять под контроль их цели и практики³. Иначе говоря, общество пока не выработало надежных средств подчинения механизмов императивного регулирования и координации межгрупповой конкуренции правящего класса в свою пользу. В то же время элитарные круги последовательно осваивают новые пространства и технологии (в том числе цифровые) своего политического господства.

Одним словом, пока в обществе существуют незначительные механизмы демократической делиберации, правящие элиты учатся увереннее управлять избирательным процессом, сокращать возможности оппозиции, возводить перед населением административные барьеры и поддерживать нужное соотношение между контролем и уступками гражданам. Более того, последовательно укрепляя механизмы фактического доминирования на национальных площадках, правящие круги вступают в коллаборацию с внешними игроками, укрепляя пространство социального контроля за населением.

Тенденции и направления современного элитогенеза: очевидность против нормативных конструкций

В контексте самовоспроизводства и самообновления правящего слоя действуют механизмы, с одной стороны, демонстрирующие сочетание различных (микро)групповых (отраслевых, территориальных, транстерриториальных) сообществ внутри правящего класса, а с другой — некие общие, интегрированные тенденции (связанные с последовательным укреплением ими властных позиций). Наиболее ресурсно оснащенные группы правящей элиты в ряде западных

³ См.: [Охотский, Григорян 2022; Пляйс 2024]; Тимофеева Л.Н. Отщепенцы или новые страты развития? На какие категории можно разделить нынешнюю контрэлиту и чего она добивается // Независимая газета, 03.09.2013.

стран даже трансформировали структурные параметры государственного управления демократического типа, соединив основные механизмы хозяйственно-распорядительной деятельности с силовыми структурами, институализировав неформальный профиль дискурсивных отношений и утвердив этатистские принципы правления под флагом неолиберальных режимов. По сути, это «привело к... авторитарной этатистской форме неолиберального режима, характерного для государств перманентно жесткой экономии, требующей усиленного надзора и контроля для своего поддержания», что в конечном счете подтвердило «предположение Никоса Пуланзаса... о том, что авторитарный этатизм становится нормальной формой капиталистического типа» развития общества [Jessop 2019: 343]. Не менее примечательным фактом является и формирование крупными игроками вооруженных «охранных» структур для защиты своих позиций в административном и бизнес-секторах (что порождает основания для качественно новой волны конкуренции).

Применительно к элитогенезу как таковому можно говорить о его *двух* общих тенденциях: в *первую* очередь можно зафиксировать прогрессирующее сокрытие правящими кругами различных форм своего доминирования, позволяющего национализировать издержки и приватизировать выгоды под лозунгом «рационально выверенной» и «научно обоснованной» государственной политики. И чем крупнее распределяемые в стране ресурсы, тем больше власти интерпретируют свое политическое господство как форму организации общественного порядка (затемняющую, однако, бенефициаров такой политической линии).

Безусловно, такой тип государственного проектирования (хотя и связан с массовым разочарованием граждан к демократическим порядкам [Levitsky, Ziblatt 2018; Przeworski 2019]) предполагает вытеснение гражданского населения на далекую политическую периферию. Главное, что все более отчетливо звучащие требования перемен не способны изменить реальные конструкции разработки государственной политики.

Вторая, не менее принципиальная тенденция в эволюции правящего слоя демонстрирует приращение управленческих знаний и навыков правящей элиты, неуклонно увеличивающей отрыв от соответствующих параметров политического участия рядовых граждан. И хотя в разных государствах степень активности населения весьма неидентична, элитарные группировки эффективно используют компетентностные разрывы для усиления своего доминирования. При этом в ряде стран элиты закрепляют свои преимущества за счет ограничения доступа граждан к Интернету (КНР, Северная Корея и др.), сокращения политических институтов, действующих в сфере гражданского просвещения и образования, изменения учебных программ в университетах и средней школе и т.д.⁴

⁴ Показательна в этом отношении практика утверждения модели «умной нации» в Сингапуре, где условием обретения гражданами высококачественных государственных товаров и услуг является их безусловное невмешательство в процессы государственной власти и управления [Сморгунов 2021]. В РФ за три последние года приостановлено преподавание социологии, политологии и культурологии в педагогических университетах, прекращена деятельность более двух тысяч НКО, действовавших в социальной сфере и т.д.

В повседневном формате обозначенные тенденции самовоспроизводства правящего класса порождают *три* основных направления, поддерживающих изменение его состава, асимметричность распределяемых ресурсов, а также внутриэлитарные конфликты и разнообразный характер влияния элит на структуры гражданского сектора. К таким направлениям можно отнести *проектные, идейные и структурные* преобразования, в рамках которых элиты реагируют на вызовы внешней среды, урегулируют внутренние конфликты и совершенствуют свои способности в области политической «игротеки».

Так, *проектные* трансформации отражают сочетание политико-административных и рыночных видов активности правящего класса, олицетворяющих целенаправленный характер его профессиональной деятельности. Обладая различным сочетанием рутинизированной и инновационной активности, осуществляемые элитой проекты (программы, стратегии) не только поддерживают его отношения с обществом, но и стимулируют столкновение секторальных интересов правящего класса⁵. Данный тип соперничества элитарных групп, способствуя разновекторности государственных политик и нередко доходя до «полувраждебных» отношений структур и институтов (А. Вилдавски), превращается в мощный источник диверсификации государственной власти и создавая серьезные угрозы для осуществления общенациональных стратегий (не исключая при этом применение силы против отдельных лиц и групп в рамках правящего режима). При этом самым принципиальным значением обладают постоянные конфликты в ближнем и дальнем окружении политических лидеров⁶.

Как показал опыт, несмотря на то что итогом внутриэлитарного соперничества становится повышение активности правящего слоя и заполнение инновационными проектами существующих в государстве управленческих пустот, негативными последствиями таких соревновательных практик является блокировка деятельности отдельных институтов и усиление административных барьеров. При этом крупные проекты (связанные с привлечением зарубежного капитала, не исключаяющего и его теневых форм) могут приводить к усилению зависимости национальной элиты от внешних игроков, в результате чего складывающаяся межэлитарная коллаборация

⁵ Так, заинтересованность в развитии экономики знаний, зеленой энергетики или цифрового правительства и даже в борьбе с коррупцией на деле демонстрирует типичные примеры целенаправленной активности различных внутриэлитарных группировок, порождающих межинституциональные трения на различных аренах и площадках государства.

⁶ Такие конфликты особенно чувствительны при выявлении «кратов» или «перебежчиков» в другие политические команды, способные за счет передачи конфиденциальной информации провоцировать политические конфликты, кризисы легитимации и даже смену режимов. Так, на Украине в период президентства Кучмы в США сбежал охранник первого лица с компрометирующей его информацией, что породило большой международный скандал, оказавший существенное влияние на репутацию Президента.

способна порождать риски реальной утраты государством своего внешнего суверенитета⁷.

Идейное направление элитарной трансформации отражает зависимость и характер укрепления правящими кругами своих позиций от использования мифологических, идеологических и прочих концептов, обеспечивающих продуцирование массовых ценностей, определяющих уровень легитимации и способность населения к поддержке политических планов. От выбранных доктрин и эффективности их дискурсивного применения зависят характер правления выигрышной коалиции [Соловьёв 2024], вынужденной опираться на определенные слои населения и одновременно противостоять идейному давлению своих конкурентов.

По своему содержанию идейное оформление элитарных целей (отбираемое из имеющегося резервуара концептов и позволяющее получить конкурентные преимущества) представляет особый метод оформления политической воли. Аутентичная публичная презентация этого материала в дискурсе позволяет одновременно решить три задачи: прагматически определять соотношение «издержек и выгод» для своего политического курса; создавать для лидеров и его целей привлекательный имидж, а также получать символические преимущества перед конкурентами в публичном дискурсе⁸. В этих целях правящие круги активно используют не только коммуникативные стратегии (например, «политику доказательств», предполагающую продавливание необходимых властям решений [Соловьёв 2021b] или же «контрриторические стратегии», позволяющие менять различные стили управления «гражданским гневом», давая на все запросы населения «убедительные» разъяснения невозможности их удовлетворения [Ibarra, Kitsuse 2003]), но и различные административные инструменты (блокирование отдельных СМИ, расширение круга стихийных лоялистов и «прикормленной общественности», популяризирующих определенные идеи и ценности [Харкордин 2021], организацию ГОНГов и КВОНГов [Лушников 2019, использование на выборах партий-спойлеров и др.).

⁷ К сожалению, практика дала немало примеров того, как национальные элиты, ориентируясь на материальные или социальные выгоды такого взаимодействия, превращаясь в единственных бенефициаров такого проектирования, не только меняли свои статусные диспозиции, но и становились сателлитами внешних сил. Говоря иначе, наличие у таких представителей правящего класса материальных и социальных интересов, располагающихся за пределами своего отечества, неизбежно меняет зависимости правящего слоя от населения на объединение с зарубежными игроками. Тем самым перестраивается функционал контролируемых ими институтов власти, придавая им антигосударственный характер. Российский опыт подтвердил, что в рамках крупных международных проектов, например реформ 1990-х, которые даже зарубежные специалисты рассматривали как проекты «чикагского разрушения России» (Б. Джессоп), отечественные государственные менеджеры рассматривали регулируемые ими секторы с позиций не отечественных интересов, а международных игроков.

⁸ Идеологический выбор государственной политики суть инструмент идеационального господства, что, однако, не является непосредственным слепком с корпоративных интересов элитарных групп. Поэтому за прокламируемыми ими символами «нового» и «светлого» будущего нередко скрываются заблуждения лидеров и их ближнего и дальнего окружений, иные цели и образы с неизвлекаемыми людьми смыслами.

И хотя в сложно организованных обществах во многих странах сохраняются «островки» гражданского свободомыслия и отдельные площадки публичного оспаривания предлагаемых властями целей и ценностей, тем не менее общие интересы правящего класса свидетельствуют о его незаинтересованности в использовании интеллектуального капитала общества и его инновационного потенциала. В условиях же резких идеологических разворотов, обычно сопровождаемых институциональными трансформациями (поддерживающими заданный политический вектор в сферах науки, образования и культуры), травмы экзистенциального выбора властей и ориентационного «воображения будущего» у граждан только усиливаются⁹. Однако самые значительные опасности возникают когда национальные интересы подвергаются откровенной фабрикации, даже безопасность населения превращающей в разменную монету достижения частных и корпоративных интересов отдельных группировок правящих слоев¹⁰.

Ключевая проблема элитогенеза

Структурное обновление правящего класса представляется наиболее важным направлением элитогенеза, отражающим действия экзогенных и эндогенных факторов, обуславливающих как внутренние расколы этого слоя, так и поистине исторические трансформации властной конструкции национального государства и республиканского правления как таковых. И главным источником таких превращений элитарных кругов является активность сетевых коалиций правящего класса, члены которых (крупные бизнесмены, менеджеры и контролеры корпоративной собственности и др.), не обладая статусными прерогативами, оказывают устойчивое неформальное давление на официальные структуры и институты государственной власти. В отличие от лоббистов, в конечном счете заинтересованных во встраивании в легальные иерархии государственного управления, эти ассоциации, преодолевая административные барьеры исключительно за счет точечных неформальных коммуникаций, стремятся к «сетевой

⁹ В России, где на протяжении веков сосуществуют нормы авторитарного толка и традиции свободолюбия [Лихачёв 1990: 4], правящие круги никак не могут «синтезировать органичную традицию» [Малинова 2009: 181], позволяющую при смене государственных стратегий исключить глубинные ментальные конфликты и социальные потрясения. Чаще происходит наоборот, когда для усиления мобилизационного давления на сознание общества, неизбежно влекущего культурные размежевания, используются технологии нарративной политики, позволяющие властям апеллировать к более устойчивым моделям повседневной идентификации человека [Shanahan, Jones, McBeth 2011]. Как бы то ни было, но идейное направление самообновления правящих кругов, несмотря на возможности единения (трансцендентализации) государства и общества, редко обходится без усиления внутренней неконгруэнтности стратегических целей властей с состоянием и динамикой политического сознания населения и массовой культуры.

¹⁰ Яркий пример расхождения популяризируемых идей и проводимой властями реальной политики являет собой сложившаяся в 1990-е годы в стране ситуация. Тогда на фоне демократического вектора общественного развития и стремлений правительства Е. Гайдара «выкупить» страну у номенклатуры в верхах происходила последовательная олигархизация системы государственного управления, которая в значительной степени спровоцировала внутривнутриполитический кризис и риски территориальной анархии и полураспада единого государства.

колонизации» всей системы государственного управления и установлению «нового конституционализма» [Gill 1995].

Данная тенденция олицетворяет то «ускорение в элитообновлении» [Best, Higley 2010], в рамках которого формируются особые конструкции «малых... правящих меньшинств» [Higley, Pakulski 2012: 161], занимающих все более заметное место в системе власти. В этом контексте повседневность правления постоянно рождает «переплетенные» институты, утрачивавшие часть своего функционала под влиянием этих «необычных», в том числе коррупционных сделок [Jessor 2019]. В отдельных государствах масштаб сетевого давления на институты власти превращает центры принятия решений в «узлы» и выносит их за административные рамки государства. Образующийся из многочисленных «узлов решений» «второй контур» *реального* государственного управления в своем логическом пределе предполагает формирование скрытого от населения параллельного государства 2.0 [Соловьев 2021a].

Таким образом, сетевое давление сочетается с усилением влияния органов исполнительной власти, одновременно формируя круг тех, кто, не испытывая ответственности перед населением и не нуждаясь в коммуникациях с гражданами, «правит в тени иерархии» [Джессоп 2019]. Такое положение, свидетельствующее о формировании особого класса «политических инвесторов», который использует «пустоты» в системе республиканского правления (Е. Шаттшнайдер), по сути, в принципе меняет характер взаимоотношений правящего меньшинства с обществом в целом. На фоне этих трансформаций правящего класса ответственные контакты с обществом поддерживают только те его группы и члены, которые зависят от представительных механизмов (представляя сменяемую, «одноразовую элиту»), но зачастую не имеют отношения к принимаемым в государстве ключевым решениям (хотя и вынуждены отвечать за эти решения перед населением).

Данные процессы означают уже не внутриэлитарное размежевание, а *раскол* в правящем классе, демонстрирующий, что способы формирования и функционирования этого слоя не только трансформируют основные механизмы рекрутинга (отдавая предпочтение неформальным связям, технологиям ротации и кооптации перед представительными механизмами) или перепрофилируют функционал госменеджеров (все чаще отдающих предпочтение частным и групповым интересам сетевых коалиций). Речь идет о наличии устойчивого приоритета определенной части правящего класса за счет их реальных возможностей контролировать институты власти в части принятия ими ключевых государственных решений. В силу этого данная группировка превращается в *постэлитарный* класс, которому для реального правления уже не нужна коммуникация с обществом и тем более ответственность перед населением. Однако их игровые коммуникации с конкурентами не просто сохраняются, но даже обостряются.

Конечно, эта постэлитарная конструкция правящего слоя еще не оформлена правовым образом. Но уже сейчас она демонстрирует системно значимые практики применения власти, доминирующие формы влияния на цели государственной политики. По сути, именно в силу этого факта нынешняя фаза элитогенеза демонстрирует появление новой формы взаимоотношений правящих кругов с обществом, фактически уже перестраивающей институциональный дизайн и систему

взаимоотношений внутри аппарата управления. Тем самым на новый уровень выводится и «внутривидовая» конкуренция в правящем классе, апеллирующая к новым формам взаимодействия институтов с неформальными группировками.

Представляется, что межсетевые конфликты и сочетание активности этих неформальных коалиций с различными медиаторами будут способствовать сокращению жизненных циклов политических проектов (неспособных сохранять устойчивость под влиянием цепочек взаимодействий этих политических ассоциаций). И хотя постэлитарный тип саморегуляции жизнедеятельности правящего слоя в данный момент не вполне конгруэнтен экономическим или социальным преобразованиям в современных обществах, «плавность» идущего исторического разворота вполне соответствует тенденции усиления латентных форм применения власти и предоставления правящим кругам еще большей свободы в определении своих целей.

Конечно, структурное самообновление правящего слоя оставляет еще массу вопросов относительно будущей организации политической власти. Пока же вырисовывается лишь одно относительно понятное следствие, а именно — невозможность общества со всеми его представительными механизмами, моральными инвективами и пожеланиями обуздать амбиции элит и их ползучую дистанцированность от интересов гражданского населения.

Поступила в редакцию / Received: 17.12.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 19.02.2025

Принята к публикации / Accepted: 01.03.2025

Библиографический список

- Джессон Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее. Москва : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. EDN: FXZBWZ
- Кавтарадзе С. Архетипы войны (насилие, бессознательное и борьба за базовые потребности). Москва : Homo erectus film studio, 2015.
- Лихачёв Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 3–6.
- Лушников Д. Организованные правительством неправительственные организации (GONGO) : генезис проблематики, интерпретация и функции // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 137–148. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.10> EDN: ZACLWN
- Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке. Трансформация дискурса о коллективной идентичности. Москва : Российская политическая энциклопедия, 2009. EDN: QOJUIN
- Охотский Е.В., Григорян Д.К. Информационно-коммуникативные технологии в обеспечении элитно-лидерского позиционирования // Власть и элиты в эпоху цифровой трансформации: новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества. Ростов-на-Дону : ЮРИУ РАНХиГС, 2022. С. 47–53.
- Пляйс Я. Политическая элита постсоветской России: этапы трансформации, проблемы совершенствования. Москва : Политическая энциклопедия, 2024.
- Сморгунов Л.В. Три стратегии политики цифровизации: государственное управление и трансформационный потенциал цифровых технологий // Мозаичное поле мировой и российской публичной политики : ежегодник РАПН 2020–2021 гг. / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Соловьёва, А.И. Щербинина. Томск : Изд-во Томского государственного университета, 2021. С. 9–33. EDN: RYLDDK

- Соловьёв А.И. «Доказательная политика» и «политика доказательств»: дилемма постсоветских обществ // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021b. Т. 14. № 5. С. 60–81. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-3> EDN: YQPVXI
- Соловьёв А.И. Механизмы политического господства или Как правит выигрышная коалиция // *Полис. Политические исследования*. 2024. № 2. С. 96–117. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.02.08> EDN: CGFBMG
- Соловьёв А.И. *Политика и управление государством : очерки теории и методологии*. Москва : Аспект пресс, 2021a.
- Харкордин О. Республика. Полная версия. Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 208 с.
- Худолей К.К., Колотаев Ю.Ю. Разделительные линии в вопросах общей внешней политики в европейском союзе: Россия как фактор поляризации// *Балтийский регион*. 2024. Т. 6, № 3. С. 87–107. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-5> EDN: QYDCGS
- Best, H., & Higley, J. (Eds). *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparatives Perspectives*. Leiden: Brill. 2010. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004179394.i-230>
- Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives / H. Best, J. Higley (Eds.). Leiden: Brill, 2010. P. 1–22. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004179394.i-230>
- Díaz M. The Scientific Method in Public Political Activity // *Academia Letters*, 2021. Article 2996.
- Gill S. The Global Panopticon? The Neoliberal State, Economic Life, and Democratic Surveillance // *Alternatives: Global, Local, Political*, SAGE Publications.
- Higley J., Burton M. The Elite Variable in Democratic Transitions and Breakdowns. *Historical Social Research // Elite Foundations of Social Theory and Politics*. 2012. Vol. 37, no. 1. P. 245–268.
- Higley J., Pakulski J. Elites, Elitism and Elite Theory: Unending Confusion? // *Papers for World Congress the International Political Science Association*. 2012. P. 161–176.
- Ibarra P.R., Kitsuse J.I. Claims-making discourse and vernacular resources // *Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems* Hawthorne / Holstein J.A. and Miller G. (eds.). New York: Aldine de Gruyter Publ. 2003. P. 21–54.
- Jessop B. Authoritarian Neoliberalism: Periodization and Critique // *South Atlantic Quarterly*. 2019. Vol. 118, no. 2. P. 343–361. <https://doi.org/10.1215/00382876-7381182>
- Keller S. *The Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society*. N.Y. : Random House, 1963.
- Ledeneva A.V. *Can Russia Modernize? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511978494> EDN: URWGFJ
- Levitsky S., Ziblatt D. *How Democracies Die*. New York, 2018.
- Przeworski A. *Crises of Democracy*. Cambridge, 2019.
- Runciman D. *How Democracy Ends*. London, 2018.
- Roll M. *The Politics of Public Sector Performance: Pockets of Effectiveness in Developing Countries*. Routledge, 2014. <https://doi.org/10.4324/9781315857718>
- Shanahan E., Jones M., McBeth M. Policy Narratives and Policy Processes // *The Policy Studies Journal*. 2011. Vol. 39, no. 3. P. 535–561. <https://doi.org/10.1111/j.1541-0072.2011.00420.x>
- Stagner R. Fascist Attitudes: An Exploratory Study // *The Journal of Social Psychology*. 1936. Vol. 7, no. 3. P. 437–454. <https://doi.org/10.1080/00224545.1936.9919882>
- Tversky A., Kahneman D. Rational Choice and the Framing of Decisions // *Rational Choice: The Contrast Between Economics and Psychology* / Hogarth R.M., & Reder M.W. (eds.). Chicago, 1986. P. 251–278. <https://doi.org/10.1086/296365>

Сведения об авторе:

Соловьёв Александр Иванович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления, МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: solovyev@spa.msu.ru) (ORCID: 0000-0001-7146-0299)